

Игорь Шестков "На даче"

НА ДАЧЕ

Заходил сосед с шестого этажа. Как его... Херр Ренк. Или Пенк. Глаза сверкают, толстые лиловые губы трясутся, сияет как помидор. В лотерею что ли десять миллионов выиграл?

Пригласил меня к себе. Пострелять из пневматического пистолета. Только что купил в магазине «Франкония». Что на Фридрихштрассе. Семьдесят лет дядьке, самое время палить из пневматики.

– Пойдем, постреляем. Пистолет – чудо. Мультикомпрессионное оружие. Без отдачи. Американская классика! Пиво есть и вискарь.

Я пошел.

В большой своей гостиной сосед устроил тир. Повесил на стену квадратный щит из оргалита, чтобы обои не портить. К оргалиту прикрепил специальное приспособление, чтобы мишени вешать и пульки собирать. Ловушку.

На другой стороне комнаты, у балконного окна, положил на ковер метровую линейку. Барьер вроде. От линейки до мишени – ровно пять метров. Немцы любят точность и порядок.

Минут двадцать пять мы шмаляли... я три раза попал в десятку, а хозяин пистолета так больше восьмерки ни разу и не выбил.

Виски и пиво я не пил, а сосед... запивал виски холодным пивом. Говорил, так лучше для печени. Наверное, врал.

Похвалил пистолет, поблагодарил соседа за удовольствие, и домой. Хватит, отстрелялся.

А сосед, полагаю, весь вечер гвоздил.

А за стеной, той самой, на которой мишень висела, жила сварливая кривобокая тетка. Толстая как картошка. Восточная женщина. Может, какой сириец тещу или маму выписал из Сирии. Или афганец. Представляю, как она злилась. Клок-клок-клок в стену...

Перед тем, как уйти, сказал соседу: Слушай, Фритци, у соседки твоей небось настоящая пушка есть. Сынки с собой привезли, или тут у поляков купили. Они

оружие любят. Ты разозлишь ее, она тебя кокнет. Или детки маме помогут – видел их рожи?

– Видел. Как у динозавров. Пусть позлится, швабра старая, а если только пикнет, я на нее в полицию донесу. Сколько ящиков краденого барахла к ней третьего дня притащили какие-то бедуины! Полный грузовик разгрузили. Пока она меня не трогает, я ни гу-гу. А если нажалуется, падла, или права качать начнет – тут же донесу. Пусть свой поганый рот застегнет на молнию. Моя квартира, что хочу, то и делаю. До десяти вечера. А на ее сынков – натравлю наших парней. Из соседней качалки. Пусть свое место знают, поганцы. Превратили Берлин в Дамаск. Всюду их бороды, бабы в платках и гугнивые дети... Ты чего так рано уходить намылился? Оставайся, еще постреляем. Если хочешь, займемся другой стрельбой. Я уже соскучился...

Когда сосед произносил последние слова... я заметил на его грубом тевтонском лице нечто вроде робкой улыбки.

– Спасибо. В другой раз. Я сегодня не в настроении. Дергает что-то в кишках. Да, кстати, ты в ловушку поролон вставь. Толстый, плотный. В Баухаузе продается. Чтобы пулька по жести не стучала. Тогда почти ничего слышно не будет. Пали, не хочу. Хоть всю ночь.

...

Пришел домой, лег в ванну. Размяк как сухарь в чае.

В голове звучали – выстрелы.

Ччок-ччок-ччок!

А внизу живота им – как эхо – отвечали приятные легкие спазмы.

И все существо мое как будто качалось...

Знакомое состояние. Когда-то я его уже испытал. Где? Когда?

Против воли начал вспоминать.

Не могу больше думать о прошедшей жизни! Тошно!

Но ганглиям ведь не прикажешь... вот и приходится еще и еще раз переживать одно и то же... жевать и жевать собственную судьбу...

Потому что новой жизни у меня нету. Какая жизнь у состарившегося эмигранта?

Одни ополоски да болячки.

А все этот пистолет пневматический.

Забросил меня как свинцовую пульку – на полвека назад.

Выстрелил мной в прошлое.

Потому что однажды я уже стрелял из такого пистолета. И качался как влюбленный маятник.

В юные, сладостные годы.

...

Было это на подмосковной даче одного советского сатрапа. За Жуковкой где-то. Забыл. По Рублевке ехали с моим дядей на казенной черной Волге.

Дача эта походила на замок из сказки. Трехэтажная, с эркерами, верандами и башенками. И земляца при ней немалая, гектаров пять участок. Огород, яблоневый сад, теплица, сосновый лесок с ручейком, все было... И стрельбище.

И отдельное здание – с саунами и бассейном. За четырехметровым забором.

Чтобы обычные совчелы не глазели. У ворот дачи – две крысы в штатском.

Гэбэшники. Документы проверяли у гостей, некоторых обыскивали. Только колючей проволоки не хватало. И вышек с пулеметами.

Одного меня, тогда еще студента-первокурсника, туда бы ни за что не пустили.

Кому я нужен? Но я сопровождал моего высокопоставленного дядю, опору и гордость всей нашей семьи. Топтуны отдали дяде честь, а на меня поглядели косо.

Взял меня дядя с собой конечно не для того, чтобы показать, как живет и развлекается номенклатура, а для того, чтобы тетка не подумала, что он поехал к девкам. Я был чем-то вроде алиби. Мол, и племянш тоже был со мной, и другие дети были...

На самом деле, никаких детей там не было, кроме меня и Мананы, худенькой сексапильной грузиночки, дочери одного из сатрапов, взявшего ее с собой, как я предполагал, для маскировки.

Обычно дядя разговаривал со мной просто, часто пренебрежительно, иногда даже сурово, а когда приглашал меня на дачу, вдруг сделался каким-то сладким... сдобным... неискренним. Я подумал: Ага, врешь, врешь все, старый пёс... а зачем? Я тебя прекрасно понимаю... и не осуждаю. Каждый живет как может.

...

На первом этаже дачи располагались кухня и столовая. Человек на пятьдесят. На стенах столовой висели батальные картины маслом времен наполеоновского нашествия. Денис Давыдов с кошачьими усами. Багратионовы флешы. Пушки. Дым. Раненые уланы.

В подвале дачи помещался бар с помостом для стриптиза. А на втором и третьем этажах – спальни. Мебель везде стояла заграничная, с претензией. Дорогая, но безвкусная. С завитушками и шишечками. Спальни украшали картинки в золоченых рамочках. Французские гравюры из собрания Пушкинского музея, пояснил мне дядя. Элегантные кавалеры гонялись за жеманными дамами в неопикуемых платьях и париках. С бесстыдно обнаженными грудями. Я был приятно поражен... никогда до тех пор не видел подобных изображений.

На полках пылились необыкновенно искусно сделанные пестрые фигурки, поразившие меня еще больше, чем гравюры. Пастушки, фавны, китайцы... Это был Мейсенский фарфор из собрания Эрмитажа.

Когда мы с дядей приехали на дачу, все общество было уже в сборе. Начальники толпились вокруг нового Мерседеса мананиного папы... смотрели на мотор, трогали фары и зеркала. Они смутно напомнили мне персонажей Гоголя из «Немой сцены» Ревизора. Каждый имел в фигуре что-то ущербное... уродливое... отвратительное.

Толстые морды с несмываемой печатью вырождения, невыразительные глазки, отсутствующие шеи, отвисшие животы, длинные крепкие руки, бородавки, маленькие черные зубы хищников...

Но самое неприятное в этих людях было... высокомерие дорвавшихся до неслыханной власти слесарей и матросов... глушащее в них остатки человечности.

Меня эти «номенклатурные хряки» не заметили, а дядю запанибратски обняли и увели куда-то пить коньяк.

...

Ко мне подошла Манана и заявила, искусственно позевывая, что ее, вопреки ее желанию, обязали составить мне компанию и проследить, чтобы я «вел себя паинькой и не совал нос, куда не надо».

– Как это скучно, быть нянькой для сопливого первокурсника! – надменно

произнесла Манана и посмотрела на меня как на описавшегося щенка. Я вытащил из кармана брюк чистый белый платок, который заставила меня взять с собой моя заботливая бабуля, мать дяди и моего рано умершего отца, вытер нос и потупился.

Манана сразу мне приглянулась... рядом с ней я сразу почувствовал себя так, как будто выпил три бокала полусладкого шампанского. Обычно такие серые корпускулы существования вдруг налились переливающимися светом.

У нее была миниатюрная, почти кукольная фигура... смуглая кожа... узкие ступни... и печальные черные глаза, как у ослика с картины Пиромани.

Портила ее только гримаса пресыщенности, то и дело искажавшая ее породистые ноздри и тонкие губы.

Мне хотелось произвести на нее впечатление. Я решил сказать ей что-то умное.

И сказал. Свободно процитировал одну из мыслей Свана об Одетте...

Девушка посмотрела на меня, насупилась и произнесла: Ты это серьезно?

Слушай, мальчик, я в этом году заканчиваю филологический факультет

Московского Университета. Пруста, в отличие от тебя, читала в оригинале. За пять лет учебы меня пытались впечатлить и ошарашить умными и за-умными фразами многочисленные поклонники. Не только студенты, но и профессора, не только наши, но и европейцы и американцы. Были среди них и таланты и редкие тупицы. Но никто из них не делал это так глупо и беспомощно, как ты. Что ты хочешь? Чтобы я с тобой переспала на этой даче? Этого не будет. Держу пари, что ты еще не был с женщиной в постели и не знаешь, как это делается.

– Не знаю, но догадываюсь.

– Ладно, умник. Пошли по направлению к кухне. Мне велели тебя накормить. Я и сама умираю от голода. Ты знаешь, что мы будем сегодня кушать? Сациви. Знаешь, что такое сациви? Холодная курица под густым ореховым соусом. С хмели-сунели, корицей и шафраном. Пальчики оближешь. Только, пожалуйста, не чавкай!

Прошли в кухню, там, в уголке для нас был накрыт маленький столик.

Сели. Сердце ныло, мне так хотелось остаться с Мананой наедине! Но мимо нас то и дело пробегали охранники, повара и официанты, обслуживающие гостей в столовой. До нас доносились крики и возгласы начальников.

- Водки, водки налейте нашему Михалычу!
- А пусть он станцует и споет! Как тогда, в Новороссийске.
- Коньяку для министра! Быстро! Поворачивайся, пингвин, или в Антарктиду отправлю!
- Курчавому Юське еще сациви положи. И винца плесни в рюмочку! Беленького.
- Я в Тбилиси, в гостях у Сраного Швили и не такое сациви едал!
- Витенька, дырявая ты жопа, ножичком и вилочкой ешь, пожалуйста... Ты ведь не на приеме у английской королевы.
- Муха, ты мне Лукича напоминаешь, когда кепку надеваешь.
- А ты напоминаешь мне помойное ведро.

...

Я, как и неизвестный мне Витенька, не знал как едят сациви. Нервничал. Уронил кусок мяса в соус.

Манана долго оттирала мою белую рубашку и голубой галстук с золотыми драконами влажной салфеткой, потом покачала головой и сказала: Какой ты неловкий! Посмотри, это мое единственное бальное платье, а ты его закапал.

- На черном не видно!
- Видно... все видно!
- Тогда сними его. И пойдём в номера.
- А больше ты ничего не хочешь?

...

В конце нашей трапезы к нам подошел отец Мананы, Сергей Георгиевич, породистый такой грузин, строго посмотрел на дочь и сказал ей что-то по-грузински. Манана вперила в него яростный взгляд. Как будто кинжалом пырнула. Задыхаясь от показного гнева, ответила ему, тоже по-грузински. Сжала смуглые кулачки и ударила ими себе по худеньким бедрам.

Затем, неожиданно для меня, – зарыдала.

Рыдала Манана только несколько секунд.

А потом – боги, боги – слезы как бы сами высохли на ее глазах, она мягко улыбнулась и произнесла: Папа, я тебя люблю. Ради тебя сделаю все! Посмотри, он мне платье соусом залил, вандал...

– Ничего, ничего, – проговорил Сергей Георгиевич с сильным грузинским акцентом, – я куплю тебе другое... мужчину делает женщина, не забывай эту мудрость, завещанную нам предками, доченька.

Погладил Манану по красивой голове, украшенной черными кудряшками с вплетенной в них жемчужной ниткой, и обратился ко мне.

– Ты когда первый курс заканчиваешь, джигит?

– Через четыре месяца.

– А что после МГУ собираешься делать?

– В аспирантуру пойду.

– А дальше?

– Защищу кандидатскую, а потом и докторскую.

– Хороший мальчик! Правильно мыслишь. Хотя... боги смеются, когда мы о наших планах говорим. Но на то они и боги. А у тебя все будет хорошо... Милые дети, приглашаю вас на двор, на стрельбище. После еды надо размять кости.

...

Там, на стрельбище, я впервые в жизни взял в руки пневматический пистолет. С вороненым дулом и черной пластмассой. Тяжелый. Американский!

Сам догадался, как надо накачивать в цилиндр воздух. Зарядил... прицелился... и вlepил пульку в молоко. Манана захихикала.

Кроме нас стреляли еще несколько человек. Начальники. Отец Мананы не стрелял, стоял в стороне, курил сигареты Кент. Задумался о чем-то.

Мы с Мананой стреляли по мишеням, а начальники – по воронам, сидящим на проводах. Глупые птицы и не подозревали, что по ним ведут огонь. Каркали и не улетали.

Мазали-мазали.

Наконец, один начальник все-таки попал. Я видел, как птичья головка беспомощным комочком плоти упала на землю, а из пернатого тела, как из черного бокала прыснула алая кровь.

Начальники заревели от удовольствия. Сергей Георгиевич нахмурился. Бросил сигарету и раздавил ее остроносым ботинком. У Мананы по лицу пробежала гримаса брезгливого отвращения.

Сергей Георгиевич был высок, худ, элегантен. Остальные начальники – были

похожи на Бобчинского или Добчинского. От них невыносимо несло коньяком и чесноком.

Один из них, тот самый, который убил ворону... товарищи называли его почему-то Курчавым Юсей, хотя он был лыс как бильярдный шар, решил показать Манане, как правильно целиться. Она не возражала.

Он обнял ее и облапал маленькую грудь девушки потными ладонями с короткими толстыми пальцами. Когда черепаший ноготь Юси нажал ей на сосок, Манана дернулась, как испуганный олененок.

Я вскочил и грубо отпихнул его от Мананы. Сил во мне тогда еще было как в молодом Геракле.

Сергей Георгиевич тактично отвернулся. Остальные начальники состроили скабрзные мины. Курчавый Юся встал, отряхнулся, мстительно посмотрел на меня... Пробормотал: Полегче, полегче, петушок, а то крылышки подрежем...

Тут в ворота дачи ввалилась щебечущая толпа девушек.

Сергей Георгиевич поприветствовал их и провел в здание с саунами и бассейном.

Начальники переглянулись, обменялись похабными комментариями и ушли, а мы с Мананой остались на дворе.

Похоронили обезглавленную ворону.

Манана соорудила над ее могилой что-то похожее на крест.

Отнесли пистолеты, неиспользованные мишени и коробочки с пулями в дом.

Поднялись на третий этаж, в выделенную нам комнату. Без двуспальной кровати, но с диваном, креслами, книжным шкафом, роскошным проигрывателем и большим набором пластинок. Сели в кресла и немного помолчали.

...

Нашел пластинку группы Прокл Харум. Поставил песню, которую несколько раз слышал по радио. «A whiter shade of pale». Слова ее я не понимал тогда, не понимаю и сейчас, хотя читал и перевод и интерпретации. Но мелодию этой песни, похожую на баховский хорал, я полюбил сразу и на всю жизнь. И то особенное настроение молодого человека, которое она отражает. Когда и любовь уже не спасает, а топит. И в душе развивается психоделическая некрофилия,

«более белая, чем сама бледность». Но не всамделишная, а как бы наигранная, и потому не страшная, а влекущая.

Пригласил Манану потанцевать. Она согласилась. Мы обнялись.

По выражению ее лица понял, что эта песня будит в ней печальные воспоминания. По ее щеке вдруг побежала слеза. Я поймал ее губами и слизнул. Манана положила голову мне на плечо. А когда мы опять сели в свои кресла, прошептала на ухо: Я до сих пор – невинная девушка. И сделает меня женщиной только мой законный муж после свадьбы.

– А как же пять лет МГУ? Студенты и профессора, американские и европейские... умничали, умничали... и остались с носом?

– Именно с ним. В прямом и в переносном смысле.

– Понял, понял.

– А ты понятливый!

– Ты меня всего на четыре года старше. Но ты решила, что я ребенок, и к тому же полный идиот. А меня жутко к тебе тянет. Не только сексуально...

этнически... может, потому, что грузины и евреи – двоюродные братья?

– Опять умничаешь? Не хочу с тобой темнить. Мой папа вздумал отдать меня за тебя замуж. Сговорился с твоим дядей. И твоя тетя знает. И бабушка. И все мои. А меня сама эта мысль – что он хочет какие-то выгоды получить от моего замужества, вроде как монарх, приводит в бешенство. Я не принцесса, ты не принц, а он не король.

– Интересные дела. У меня есть идея. Давай их надуем. Пусть себе свои планы строят. Как твой папа сказал, боги только смеются... Вот мы и станем этими богами. Будем хохотать. А им скажем, что все, мол, в ажуре, так мол и будет, как они задумали. А сами будем жить как живется. И будь, что будет.

– Ты еще не все знаешь. Если мы поженимся, то через год-два твой дядя отправит нас в капстрану. Будем дальше учиться в Лондоне или Сан-Франциско. Это в его власти. А мой папа добудет деньги. Откуда, я не знаю, он меня в свои тайны не посвящает. Он говорит, что в Совке скоро жить будет невозможно. Старые придурки начнут войну на юге, дряхлая экономика СССР не потянет холодную и горячую войны одновременно, начнется развал. Народ валом отсюда повалит, не как сейчас, а миллионами. А эти самые начальники, которых ты

сегодня видел – они из директоров заводов превратятся в их собственников, захватят комбинаты, целые отрасли, нефте- и газодобычу... станут миллиардерами. Они уже сегодня тайно делят страну. Так говорит мой папа, и поверь мне, он знает, что говорит. Не даром он в Госплане второй человек.

– погоди, хрен с ним, с Госпланом, до меня только сейчас дошло, ты что же, по плану наших родных должна меня сегодня вечером соблазнить? То-то бабушка настаивала на том, чтобы я свежие носки и трусы надел. Понимаю. Сан-Франциско.

– Ну да.

– Дела! В начале – в койку. Потом – в ЗАГС. Затем в Лондон. Навсегда, надо полагать. Да еще и с полными карманами валюты. Есть о чем призадуматься. Хотя... чего уж тут думать... Валяй!

– И не подумаю. Сам же сказал – будем жить как живется.

– А как же план дяди и папы?

– А к черту все.

– Ладно, к черту, но поцеловать-то себя ты позволишь, номенклатурная принцесса?

– А если нет?

– Тогда я сейчас же позову сюда милейшего Юсю Курчавого!

– Ах ты негодяй!

– Скажу ему, дядя Юся, идите скорее к нам, Мананочка хочет вам что-то показать! Под бальным платьем.

– Только позови, я ему хобот отрежу.

– У него его никогда не было.

...

Неожиданно к нам постучали.

В комнату вошел Сергей Георгиевич и мой дядя. Оба явно были чем-то серьезно обеспокоены.

Они сообщили нам, что один из гостей, член ЦК КПСС и кандидат в члены... скоропостижно скончался в сауне, и мы должны покинуть дачу до того, как сюда приедут представители правительственной комиссии и следствия.

Девушек и персонал уже отправили по домам...

Дядина Волга укатила еще несколько часов назад, поэтому Сергей Георгиевич отвез нас домой на своем Мерсе. Высадил Манану у номенклатурного домов недалеко от Университетского проспекта, в одном из них она жила в роскошной двухкомнатной квартире. Когда Манана выходила из машины, я успел взглянуть ей в глаза... В ее холодные, равнодушные глаза пресыщенной барыни. Наконец-то освободившейся от навязанной ей роли.

Через несколько лет я узнал от дяди, что Манана вышла замуж за австралийского профессора-историка, и живет с ним в Сиднее. Профессор этот долго стажировался в СССР, наверное шпионил, познакомился в какой-то компании с Сергеем Георгиевичем, тот сосватал за него дочь. Был он лет на двадцать пять лет старше Мананы, обладал прекрасным баритоном и пел по воскресеньям в пресвитерианской церкви.

В аспирантуру я после мехмата не пошел, диссертацию не защитил, карьеру не сделал. Наука опротивела мне еще в студенческие годы. Но деваться мне было некуда, и я проработал десять лет после МГУ младшим научным сотрудником. Дядя мой не дожид до перестройки. Смерть его превратила нас, его родных, в обыкновенных смертных. Терять привилегии не легко, но мы все как-то справились.

Я эмигрировал в Германию за год до развала СССР. Позже побывал и в Лондоне и в Сан-Франциско. Походил по улицам этих городов, посмотрел, и перестал жалеть, что не попал сюда в юности.

Сергея Георгиевича убили в начале девяностых. Манана на его похороны не приехала.

Никто из пировавших тогда на даче начальников не дожид до сегодняшнего дня.